

Идеи антропоцентричной лингвистики в трудах В.В. Виноградова

ИННА Я. ЧЕРНУХИНА
(Воронеж)

Современная лингвистика со все возрастающим вниманием относится к субъекту речевой деятельности: его интеллекту, эмоционально-психологической организации, социальному статусу и другим параметрам личности. Умение видеть личность субъекта и адресата речи, способность различать речевые наслоения, мотивированные личностными особенностями производителя речи, и корректировку речевого потока в соответствии со способностями реципиента — одна из важнейших задач современной антропоцентричной лингвистики, основной категорией которой становится категория языковой личности.

В.В. Виноградов не использует терминов *антропоцентричная лингвистика*, *языковая личность*. Однако многие идеи, которые развивал ученый, оказываются не только современными, но и конструктивными в плане развития антропоцентричной лингвистики.

Принципиально важным считаем тот факт, что в своих исследованиях В.В. Виноградов ориентировался на *“лингвистически здоровую” личность*: в поле зрения ученого попадают вершинные достижения выдающихся носителей языка.

Такой выбор объектов наблюдений В.В. Виноградов делает осознанно: *“Индивидуальное — не всегда творческое. Поэтому изучение индивидуального говорения может открывать не выходы за пределы языковой системы коллектива, а бессилие отдельных его членов овладеть ее нормами”* (1980: 251).

К идеям, которые мы сейчас понимаем как идеи антропоцентричной лингвистики, В.В. Виноградов шел через разработку учения о стилистике. По мнению В.В. Виноградова, для стилистики “языковое творчество писателя важно не только как в себе замкнутый микрокосм – со своей системой соотношения языковых элементов и со своими законами их связей, но и как одно из звеньев в общей цепи сменяющихся художественных стилей. При таком подходе произведения поэта выносятся за пределы индивидуально-го сознания и рассматриваются в проекционной плоскости” (1980: 40).

В.В. Виноградов вслед за Фосслером говорит об особой ветви стилистики – “истории лингвистического вкуса” (1980: 5). Что же касается фундаментальных стилистических изысканий, то их, по мысли В.В. Виноградова, можно отнести к двум аспектам стилистики. Первый из них – это стилистика разговорной и письменной речи – во всем разнообразии их целей. Второй аспект – это стилистика поэтической речи, то есть речи, которая организует литературно-художественные произведения.

Разрабатывая проблемы стилистики поэтической речи, В.В. Виноградов впервые предлагает понятие “образ автора”. Именно это понятие частично вбирает в себя те представления, которые современная антропоцентричная лингвистика связывает с понятием языковой личности.

Языковая личность, как известно, воплощается в устных, и в письменных высказываниях и текстах любой функциональной отнесенности. Языковая личность, в нашем понимании, кроме “индивидуального говорения”, состоит из взаимно обуславливающих друг друга параметров, которые составляют большую и малую многомерности языковой личности.

Параметрами большой многомерности являются: интеллект (типы речевого мышления, менталитет); интуиция; пресуппозиция (знания о мире и человеке, которыми располагает данная личность, ее жизненный опыт – как вербализованный, так и невербализованный; осознаваемая и неосознаваемая память); бытие в ауре добра; открытие природе, космосу; открытость ноосфере, культурной среде (национальной и инациональной) и другие не менее важные параметры. Малую многомерность личности составляют чувственные и интеллектуальные эмоции, которые она способна переживать, а также речевой темперамент, проявляющийся в доминирующих типах экспрессии: спокойной, напряженной и форсированной. Все эти параметры эксплицитно или имплицитно могут отражаться в устных или письменных высказываниях.

Как уже было сказано, В.В. Виноградов оперирует понятием “образ автора”. Наиболее определенно это понятие раскрыто им в работах *Стиль “Пиковой дамы”* и *О поэзии Анны Ахматовой*, хотя в последней (она написана раньше) термин “образ автора” не используется. Кроме “индивидуального говорения” – собственно стилистической проблемы – ученого интересуют здесь вопросы, выходящие за пределы традиционной стилистики художественной речи.

В обеих работах В.В. Виноградов обращается к интеллектуальной деятельности авторов, проявляющейся в их творчестве. В работе *Стиль “Пиковой дамы”* В.В. Виноградов упоминает проблему “художественного понимания действительности”, “художественного осознания мира” (1980: 238), а в работе *О поэзии Анны Ахматовой* – проблему определения “типа” языкового поэтического сознания художника (1976: 371). Отдавая дань современным ему лингвистическим традициям, В.В. Виноградов отмечает, что последняя проблема – это “проблема не столько непосредственно лингвистического, сколько психологического характера” (с. 371).

В работе *Стиль “Пиковой дамы”* читаем: “В стиле Пушкина с половины 20-х годов все более и более сложным, противоречивым и глубоким становится (...) отношение слов к мысли. Слова влекут за собой не только те предметы, с которыми они непосредственно связаны, которые они прямо отражают, но и все больше захватывают побочные, смежные группы мыслей, представлений, предметов” (1980: 221).

Еще одно замечание о мышлении А. С. Пушкина: “Художественное мышление Пушкина – это было мышление литературными стилями, все многообразие которых было доступно поэту” (1980: 238). И далее: “С середины 20-х годов Пушкин усложнил свое творчество задачей – понять и дифференцировать социальное разнообразие стилей самой истории, самой материальной культуры” (с. 239).

Мышление – один из важнейших параметров языковой личности. В.В. Виноградов обращает внимание еще на один параметр большой многомерности языковой личности – пресуппозицию говорящего, хотя термина *пресуппозиция* он, естественно, не использует. Так, он отмечает детальное знание Пушкиным реалий изображаемого времени: от тонкостей карточной игры и соответствующего жаргона до мельчайших деталей “культурно-исторического контекста”. “Культурно-исторический контекст этой эпохи был для Пушкина содержанием лично пережитого и литературно осознанного опыта” (1980: 238).

В обеих работах В.В. Виноградов много внимания уделяет отражению эмоций – проявлению, по нашей терминологии, малой многомерности личности. Богатство эмоциональной организации языковой личности А. С. Пушкина отражается опосредованно – через изображение эмоционального мира героев повести *Пиковая дама*.

Вот как говорит об этом ученый: “*Пиковая дама* насыщена эмоциональностью. Это – повесть, полная напряженного психологизма. Тем поразительнее то обстоятельство, что эмоции, переживания действующих лиц здесь не подвергаются со стороны повествователя микроскопическому анализу. Вернее сказать: они вообще не описываются и почти не комментируются в психологическом плане. Пушкин никогда не повествует о переживании как динамическом процессе, изменчивом в своем течении, противоречивом, прерывистом и сложном. Он не анализирует самой эмоции, самого душевного состояния, но присматривается к ним, как сторонний наблюдатель. Мало того: лишь в редких случаях Пушкин называет эмоции, душевные движения. Чаще всего лаконически изображаются внешние проявления чувства, психического состояния, симптомы их (например: *безответная, холодная рука, наклоненная голова*” (1980: 220).

Эмоциональная сторона личности А. Ахматовой проявляется более непосредственно, хотя В.В. Виноградов говорит не об авторе, а о “героине”: “Ахматова не обнажает эмоциональную речь, не стремится увеличить напряженность ее наиболее ярких форм, а, напротив, пользуется такими ее морфологическими вариациями, которые сами по себе – в своей, так сказать, объективной сущности – не заключают резко аффективного тона. Но соседство фраз с подчеркнутой эпичностью, фраз, в которые внезапно внедряются такие эмоционально окрашенные смысловыми ассоциациями отрезки речи, непривычно поднимает их аффективную силу (1976: 434).

Об особенностях языковой личности А. Ахматовой свидетельствует используемый ею прием, который В.В. Виноградовым назван “принципом своеобразного эмоционального эвфемизма” (1976: 444). В этой же работе находим свидетельство проявления художественного темперамента поэта: “Ахматова сплетает эмоциональную речь в причудливой гирлянде с эпическим, печально-сдержанным сказом...” (с. 435).

Действительно, в лирике А. Ахматовой сливаются фрагменты и тексты со спокойным и напряженным типами экспрессии. Спокойная экспрессия проявляется в текстах, лишенных эффекта неожиданности (он создается индивидуально-авторскими тропами, художественной логикой – отлич-

ной от классической, аристотелевской логики, и другими приемами), не имеющих звукописи и стилистических фигур, не включающих имплицитные смыслы:

Я на солнечном восходе
Про любовь пою,
На коленях в огороде
Лебеду пою.

(Песенка).

А вот строфа с напряженным типом экспрессии:

Пусть он не хочет глаз моих,
Пророческих и неизменных
Всю жизнь ловить он будет стих,
Молитву губ моих надменных

(О, это был прохладный день...)

Экспрессия создается здесь метонимией (первая строка), эпитетами (вторая и последняя строки), метафорами (третья и четвертая строки), гиперболой (там же). В строфе имплицировано эмоциональное состояние героини: чувство оскорбленного женского достоинства (первые две строки) и уверенность в отмщении (последние две строки).

Вводимое В.В. Виноградовым в работе *Стиль "Ликовой дамы"* понятие "образа автора" сложно по своей структуре. Оно включает три аспекта: "авторскую интенцию", "фантазируемую личность писателя" и "лики персонажей" (1980: 203). Непосредственно языковой личности А. С. Пушкина должна быть отнесена "авторская интенция". Два другие аспекта "образа автора" – проявление писательского мастерства, что также нельзя не признать выражением языковой личности А. С. Пушкина.

Интересна отмечаемая В.В. Виноградовым динамика проявления в повести "образа автора" – "образа повествователя". Сначала повествователь "вступает в круг игроков как один из представителей светского общества" (1980: 203). Во второй главе "меняется позиция повествователя: он не сопереживает действий с персонажами, не участвует в них, а только их наблюдает" (с. 206). Затем "повествователь выходит за пределы наивного созерцания своего художественного мира. Он описывает и осмысливает (разрядка наша – И.Ч.) его как историк, исследующий истоки событий и нравов, сравнивающий настоящее и прошлое" (с. 206). Это осмысливание – мыслительная деятельность самого А. С. Пушкина, показатель

одного из параметров его языковой личности, но не вымышленного образа повествователя.

Затем на первый план вновь выступает вымышленный образ повествователя, который “погружается в атмосферу изображаемой жизни как образ сопричастного героям наблюдателя и разоблачителя (1980: 208). По мысли В.В. Виноградова, ”в самом субъекте как форме повествования заложена антитеза, которая и объясняет возможность приятия автором и мира Германна, и мира Лизы” (с. 210). В целом в повести, по наблюдениям В.В. Виноградова, структура повествования обусловлена формами соотношения субъектных плоскостей автора и персонажей. (с. 209).

Монолог “автора или рассказчика” превращается в полилог. Голос повествователя начинает сплетаться с голосами Лизы, Германна и отчасти старой графини: “В авторском повествовании начинали звучать разные голоса. Возникало сложное переплетение разных субъектных планов, разных точек зрения в повествовательном стиле” (1980: 215).

А. С. Пушкин передает три разных точки зрения на изображаемую действительность. “Троичность аспектов изображения делает структуру действительности многозначною. Мир *Пиковой дамы* начинает распадаться на разные субъектные сферы. Но это распадение не может осуществиться хотя бы потому, что субъект повествования, ставший формой соотношений между ликами персонажей, не теряет своей авторской личности” (1980: 208).

Выявление такой “троичности аспектов изображения” позволяет говорить о том, что В.В. Виноградов открывает проблему языковой личности персонажей художественной прозы. Мы имеем в виду не так называемую “речевую характеристику героев”, хотя это также является одним из аспектов языковой личности персонажей. В.В. Виноградов говорит об этом аспекте достаточно полно, используя понятие “несобственно-прямой речи” персонажей, вливающейся в монолог повествователя.

Более важным в плане становления антропоцентричной лингвистики является неоднократное упоминание В.В. Виноградовым работы сознания героев повести – мысль об их субъективной интерпретации изображаемой действительности. А это один из параметров большой многомерности личности. В.В. Виноградов отмечает, что автор во второй главе повести не только выражает свое личное отношение к героям, “он начинает понимать и оценивать действительность сквозь их сознания (разрядка наша – И. Ч.), однако никогда не сливаясь с ними”. И далее: “Автор приближается к

сфере сознания (разрядка наша – И. Ч.) персонажей, но не принимает на себя их речей и поступков” (1980:208).

Различие “сознаний” персонажей и автора проявляется в немалой степени в их неодинаковом восприятии времени и даже в неодинаковом течении художественного времени для троих героев и автора. “Многообразии субъектных сфер речи прежде всего отражается на ходе литературного времени” (с. 209). “Авторское время” сталкивается с формами времени, присущими сознанию персонажей. “Движение времени обусловлено пересечением субъектных сфер” (с. 210-211).

Различное восприятие времени автором и персонажами сказывается на композиции целого текста: “Пушкинская глава как элемент художественной композиции представляет собою ряд эскизных ситуаций, вмещенных в какой-нибудь строго очерченный план времени, но в его пределах рассеянных по разным субъектным сферам, подчиненным разным принципам измерения времени, и свободно движущихся от середины к началу и от конца к середине” (с. 213).

Субъективная интерпретация времени привлекает внимание В.В. Виноградова и в лирике А. Ахматовой. Этому явлению ученый посвящает целый раздел работы, назвав этот раздел *Игра времен*. Полагаем, что субъективное ощущение течения времени и его особенностей – один из показателей менталитета человека, а в случае отражения индивидуального восприятия и необычной интерпретации времени в художественных текстах речь может идти об одном из параметров большой многомерности языковой личности автора.

Работы *О поэзии А. Ахматовой* и *Стиль “Пиковой дамы”* написаны В.В. Виноградовым соответственно в 1924 и 1936 годах. Это значит, что уже в конце первой четверти XX века ученый начинал осмысление одной из интереснейших проблем современной антропоцентричной лингвистики – проблемы языковой личности.

Литература

- Виноградов В.В., 1976, *О поэзии Анны Ахматовой*. – В.В.В., *Поэтика русской литературы*, Москва.
- Виноградов В.В., 1980, *К построению теории поэтического языка*. – *О языке художественной прозы*, Москва.

Ideas of Anthropocentric Linguistics in the Work of V.V. Vinogradov

The author finds, in the works of V.V. Vinogradov from the '20s and '30s, some concepts that correspond to such terms of contemporary linguistics as **anthropocentric linguistics and language personality**. They include, among others, the conceptions of the artistic view of the world, the type of the poetic consciousness of language, of the cultural- historical context, and, particularly, of the image of the author. In the structure of the latter concept Vinogradov distinguished three aspects: "the author's intention", "the imagined personality of the writer" and "personalities of the characters". On some new types of press headlines (based on samples from the Russian press of the '80s and '90s).